

**ИЗВЕСТИЯ О КРЫМЕ И О КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ,
СОБРАННЫЕ УИЛЬЯМОМ ТУКОМ В 1785 Г.******Н.И. Храпунов***

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Российская Федерация
khrapunovni@mail.ru*

Целью статьи стало изучение малоизвестного источника – сочинения британского автора Уильяма Тука, посвященного его путешествию по России в 1785 г., в котором приводятся сведения о Крыме и Крымском ханстве.

Материалом исследования являются опубликованные в английском журнале «Gentleman's Magazine» письма Тука к редактору, которые прежде не анализировались отечественной историографией. Это первая публикация, познакомившая английскую публику с Крымом после того, как полуостров стал частью России и потому привлек внимание, без преувеличения, всей Европы.

В результате исследования установлено, что Тук черпал информацию о Крыме прежде всего из сочинения сотрудника Российской академии наук Василия Зуева, ездившего по Крыму в 1782 г. К ней британец добавил сведения из сочинения шведского автора Иоанна Тунманна, а также собранные им в России известия о присоединении Крыма. Письма Тука позволяют понять, как начиналось научное изучение Крыма, как европейские интеллектуалы пытались оценить его экономический потенциал и предложить меры по его развитию, каким образом они работали со своими источниками, какими стереотипами были отягощены их суждения, и какую информацию о далеком Северном Причерноморье получала образованная английская публика. Сочинение Тука является хорошим примером трансфера идей между Россией и Западной Европой, причем Крым становился не просто объектом изучения, но и своеобразным «зеркалом», позволявшим исследователям лучше осознать собственную культуру.

Ключевые слова: Крым, Крымское ханство, Уильям Тук, записки путешественников, историческая имагология, эпоха Просвещения, Восток

Для цитирования: Храпунов Н.И. Известия о Крыме и о Крымском ханстве, собранные Уильямом Туком в 1785 г. // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 579–595. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.579-595

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

THE ACCOUNT OF THE CRIMEA AND CRIMEAN KHANATE
PRODUCED BY WILLIAM TOOKE IN 1785*

N.I. Khrapunov

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russian Federation
khrapunov@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* This paper analyses a little-known source, the account of British traveller William Tooke, describing his journey through Russia in 1785, which supplies information on the Crimea and the Crimean Khanate.

Research materials: This paper addresses Tooke's letters to the editor of the London-based *Gentleman's Magazine* – a source previously not used by Russian scholarship. This was the first publication which informed a British audience about the Crimea after its first joining to Russia.

Research novelty and results: This paper reveals that Tooke received his information on the Crimea primarily from the account of the employee of the Russian Academy of Sciences, Vasilii Zuev, who visited it in 1782. The British author then added to it the data excerpted from the work by Swedish Johann Thunmann, and also his own information gathered from Russian sources. Tooke's letters allow one to understand the beginnings of the research investigation of the Crimea, the European intellectuals' ways of understanding the region's economic potential and approaches to its development, their approaches to sources, the stereotypes burdening their understanding of the area and its culture, and the information on the distant northern Black Sea area obtained by European society in the period in question. Tooke's work is a good example of the transfer of ideas between Russia and Western Europe, when the Crimea was not only the subject of learning but also a kind of "mirror" which allowed those who researched it to understand their own culture in a deeper way.

Keywords: Crimea, Crimean khanate, William Tooke, travelogues, historical imagology, Enlightenment, Orient

For citation: Khrapunov N.I. The Account of Crimea and the Crimean Khanate Produced by William Tooke in 1785. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 579–595. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.579-595

В 1785–1787 гг. в популярном английском журнале «Gentleman's Magazine» публиковались письма анонимного англичанина, подписывавшегося инициалами «M. M. M.», к редактору, рассказывающие о путешествии по России, от Петербурга до Азова. В них были собраны самые разнообразные исторические, этнографические, естественноисторические сведения о Российской империи и ее населении. Два письма, якобы отправленные из Азова 13 и 20 ноября (по старому стилю) 1785 г. посвящены описанию Крыма, бывшего предметом особого интереса английской публики в связи с недавним присоединением к России. Автору, который на полуострове не бывал, удалось собрать разнообразную информацию, в которой важнейшее место занимает Крымское Ханство. Сегодня мы знаем, что этим автором был зна-

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 18-09-00053 "The Crimea as Viewed by the English in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries".

менитый английский историк и писатель Уильям Тук, которого его соотечественники рубежа XVIII–XIX вв. считали едва ли не главным авторитетом по России. Через несколько лет, издавая трехтомное «Обозрение Российской Империи...», Тук включил в него значительно более краткую информацию о Крыме и его населении. Насколько можно судить, в отечественной историографии «крымские известия» Тука ранее не рассматривались. Но они любопытны и для понимания того, как начиналось научное изучение Крыма, как европейские интеллектуалы пытались оценить его экономический потенциал и выработать стратегию развития, какие источники они использовали и какие литературные приемы применяли, как создавался образ региона, отягощенный характерными стереотипами эпохи Просвещения, и, наконец, какую информацию о далеком Северном Причерноморье получала образованная английская публика. В анализе этих аспектов и заключается цель данной статьи.

Биография Уильяма Тука (1744–1820) реконструирована в фундаментальной монографии британского исследования Э.-Г. Кросса [8, с. 118, 123–128]. Тук пытался начать литературную карьеру, но в итоге предпочел стать англиканским священником, заняв пост капеллана в Кронштадте (1771). Здесь он выучил несколько языков, свел знакомство с членами Российской академии наук и даже вступил в масонскую ложу «Совершенный союз». Впоследствии Тук переехал в Петербург, став капелланом британской колонии в русской столице (1774). Любитель путешествовать, Тук странствовал по Средней Азии, ездил из Петербурга в Кенигсберг (Калининград) на встречу с философом Эммануилом Кантом, посетил Берлин ради местной Академии наук. В 1785–1786 гг. он предпринял путешествие на юг, добравшись до Азова. Многочисленные знакомства в образованных кругах Петербурга помогли Туку стать членом-корреспондентом Российской академии наук – избранием его занималась непосредственно директор Академии княгиня Екатерина Дашкова. В 1792 г., получив наследство богатого родственника, Тук вернулся на родину. Здесь он занимался самыми разными литературными и научными занятиями, превратившись в крупнейшего специалиста по Российской империи.

В Крыму Тук не был, однако собрал о нем довольно любопытные сведения. Фактически, он оказался первым англичанином, опубликовавшим известия о полуострове после его присоединения к России. И хотя его письма в английском «Журнале для джентльменов» изданы анонимно, их авторство установлено благодаря исследованиям Э.-Г. Кросса [8, с. 124–125, 444 и прим. 92]. Так, псевдоним «М. М. М.», которым подписаны письма, раскрывается как «Militia mea multiplex» (лат. «ратные дела мои многочисленные») – фамильный девиз Туков. Письма были адресованы издателю журнала Эдварду Кейву, скрывавшемуся под псевдонимом «Сильванус Урбан». Первоначально, в письме из Азова от 5 ноября (по старому стилю) 1785 г., Тук сообщал своему корреспонденту:

«Здесь я повстречал достойного соотечественника, капитана П., только что вернувшегося из Крыма, который дал мне полный отчет об этом полуострове, который, поскольку он [Крым] сейчас является предметом жаркого обсуждения, и особенно поскольку до сих пор не нашлось автора, который сделал бы удовлетворительное его описание, я должен систематизировать и привести в порядок, сделав предметом моей следующей корреспонденции» [35, р. 552].

В другом месте сказано, что собеседник Тука побывал в юго-западном («холмистом») Крыму, а сведения о других районах полуострова взял «из дружеских сообщений других [людей]» [35, р. 645]. Тук жаловался, что расшифровка записок капитана доставило ему не мало беспокойства:

«Мой друг капитан <...> написал оригинал [документа] настолько небрежно, что я иногда сравнивал себя с теми, кто пытается восстановить утраченные книги Ливия <...> Прибавьте к этому, что все то, что он взял у других, написано по-немецки, как будто со слуха, почерком гораздо худшим, чем любая из его собственных [записей]. В остальном достаточно сказать, что трижды пересечь Крым и сделать собственные наблюдения было бы в триста раз приятнее, чем делать этот перевод» [35, р. 648].

Тем не менее, внимательное чтение писем Тука не оставляет сомнений в том, что его информатора не существовало в природе. Соответствующие сведения Тук взял из известного сочинения русского путешественника Василия Федоровича Зуева, путешествовавшего по Крыму в конце весны – начале лета 1782 г. [см.: 15, с. 161–165]. Отчет об этой поездке был опубликован на русском языке в «Месяцеслове историческом и географическом на 1783 год» и впоследствии переиздан [6]. Тук мог воспользоваться одним из двух немецких переводов этого трактата [37; 38]. В этом случае становится ясно, откуда взялись некоторые различия между текстом Зуева и английским вариантом Тука – они появились при двойном переводе. Сложно сказать, что побудило Тука устроить мистификацию и выдумать «английского капитана». Быть может, так он пытался создать ощущение большего доверия у своих соотечественников.

Интересно и то, почему именно Зуева англичанин счел наиболее достойным источником сведений о Крыме. Возможно, сыграло роль то, что он только недавно вернулся из поездки и потому располагал самой свежей информацией. Современные исследователи высоко оценивают работу Зуева как географа [4, с. 71–79]. Зато его оценки экономического потенциала полуострова и возможностей его населения отличалась поверхностностью и находилась в плену стереотипов [7, с. 381–383]. Как мы увидим ниже, именно от Зуева к Туку попал ряд сомнительных фактов и оценок. Иной вопрос, а была ли возможность получить другие, более точные с нашей современной точки зрения в условиях развития научной мысли второй половины XVIII в.?

Помимо этого, какие-то сведения Тук мог почерпнуть из знаменитого сочинения шведского кабинетного ученого Иоганна-Эриха Тунманна о Крымском ханстве, опубликованного в энциклопедическом «Землеописании» немца Антона-Фридриха Бюшинга за два года до публикации писем Тука [17, с. 6]. Между двумя текстами обнаруживается ряд параллелей. Но если «Выписку» Зуева Тук компилировал абзацами, то из Тунманнова текста он лишь выбирал отдельные ему факты. Зато, когда через несколько лет британец писал «Обозрение Российской Империи...» и не был стеснен в объеме текста, он беззастенчиво переписал у шведского ученого большой фрагмент, повествующий об истории Крыма [ср.: 36, vol. 1, р. 452–457; 17, с. 17–21]. В целом, это не удивительно, ведь в конце XVIII – начале XIX в. сочинение Тунманна было важнейшим источником сведений о Крыме, которое с удовольствием использовали, например, путешествовавшие по полуострову, зачастую забывая упомянуть об авторе позаимствованной ими информации [см., например: 22, с. 837–838].

Тук пользовался и другими источниками, ведь и Зуев, и Тунманн описали Крым до присоединения к России, а британец рассказал и о последствиях присоединения. Наконец, некоторым письмам (не только «крымским») предшествует длинное введение на моральные темы – его стиль таков, что автором не обязательно был Тук, но вполне мог оказаться и редактор журнала.

Собранная Туком информация вызвали определенный интерес у публики и издателей. Через год, когда внимание Европы было приковано к путешествию Екатерины II, в журнале «Annual Register» перепечатали их крымскую часть [8, с. 386]. Еще 70 лет спустя, когда Таврида вновь оказалась в центре всеобщего интереса в связи с Крымской войной, ее участник и автор описания Крыма Томас Милнер вспомнил о Туке (имени которого не знал) и его рассказе о Балаклаве, укоровив того в незнании достоинств Ахтиарской бухты, где вскоре возникнет крупнейший военный порт – Севастополь [10, с. 200].

Каков же образ Крыма, созданный британским капелланом?

Путешественник довольно подробно рассказал о физической географии Крыма [35, р. 644–646], почти дословно переписывая страницы из записок Зуева [6, с. 265–272]. Впоследствии сокращенный вариант попал в его «русский трехтомник» [36, vol. 1, р. 105–106]. В целом описания Тука имеют два измерения – он сравнивает бывшее состояние Крымского ханства с изменениями, произошедшими в результате русско-турецкой войны 1668–1774 гг. и окончательного покорения Крыма в 1783 г. В итоге положение полуострова изменилось к худшему – он потерял значительную часть населения, многие города и селения частично или полностью запустели, в упадок пришла экономика.

«Около 18 лет назад этот полуостров был необычайно наполнен жителями и богатствами. В то время здесь насчитывалось по меньшей мере 1200 селений; но из-за недавних неурядиц в Крыму он потерял более трети своих жителей, а сейчас, куда ни помотришь, увидишь развалины больших селений и домов. Население состояло из разных наций, живших вместе под [властью] татар, пользуясь самой неограниченной свободой; но в последнюю Турецкую войну они либо отдались под власть России и были переселены в эту империю, либо бежали в Абхазию и холмы Черкесии» [35, р. 646].

Этот отрывок заимствован у Зуева, однако Тук оценил потери крымского населения как «более трети», а не как «более двух третей» [ср.: 6, с. 272]. Отсчитывая время, когда Крым процветал, он изменил цифру с 15 на 18 лет, ведь Зуев ездил по Крыму в 1782 г. Кроме того, Тук заострил слова о былой этнической пестроте Крымского ханства. В приведенном выше отрывке имелось в виду выселение христианского населения из Крыма в Северное Приазовье, организованное российским правительством в 1778 г. [3, с. 296–392], в результате чего прежде пестрое население полуострова стало моноэтничным.

Как и Зуев, впоследствии Тук еще раз вернулся к сюжету о крымском населении. Он вновь подчеркнул его былую численность и многонациональность:

«Этот полуостров был прежде чрезвычайно населен; количество его жителей, татар, турок, греков, армян, евреев и других насчитывало более 200 000 человек. С тех пор, однако, большая часть христиан удалась в другие части Российской империи, в частности в Азовскую губернию; а многие другие жители, в частности татары, ушли в Тамань и Абхазию; так что нельзя думать, что нынешнее население Крыма превышает самое большее 50 000 человек» [35, р. 648].

Этот отрывок примечателен тем, что он показывает, как Тук работает с текстом Зуева [ср.: 6, с. 283]. Сохраняя основные сведения, британец их модернизировал. Если русский путешественник говорил о времени до присоединения к России, то Тук вольно или невольно осовременил описание, применив его уже к российской эпохе в истории полуострова. Кроме того, из его рассуждений о численности населения можно сделать вывод, что он имел в виду души мужского пола («men»), тогда как у Зуева этого нет. Тем не менее, при такой интерпретации известия Тука о населении Крыма в первые годы после присоединения более или менее совпадают с тем, что исследователи реконструируют по другим источникам, а вот данные о населении Крымского ханства кажутся преувеличенными [см.: 35, с. 248–250]. Позднее Тук включил этот фрагмент, с небольшими изменениями, в свое «Обозрение Российской империи...» [36, vol. 1, p. 457].

В целом, Тук невысоко оценивал вероятность того, что оставшиеся жители смогут вернуть Крым к цветущему состоянию. Причину он видел в присущей татарам лени, их неспособности к земледелию и товарному производству сельскохозяйственной продукции. Из этого читатель мог сделать тот очевидный вывод, что не татары обеспечивали былое процветание Крымского Ханства. Так, в равнинной (северной и центральной) части полуострова совсем нет ни деревьев, ни кустов – и причиной тому, по мнению путешественника, выпас скота, пожирающего любую зелень. *«Всеобщая распространенность этого обычая держать скот, который бродит туда-сюда, в сочетании с татарской ленью и их неспособностью к земледелию и отвращением к нему – вот причина, почему здесь совсем не знают этой науки»* [35, p. 645]. Путешественник полагал, что хозяйственный потенциал Крыма весьма велик: *«если бы земля была разделена на участки и управлялась надлежащим образом, ее хватило бы для скота, а оставшаяся часть в изобилии приносила бы зерно и хлеб»* [35, p. 645]. По словам источника, склонность крымских татар к праздности не зависела от тех конкретных природно-географических условий, в которых они жили. Так, население плодороднейших долин юго-западного Крыма в этом отношении не отличались от своих степных собратьев: *«эти горцы не менее беззаботны и беспечны, чем обитатели пустынь, пренебрегают всеми этими [природными] преимуществами, и подобно своим братьям в низинах вполне счастливы, если владеют толстой овцой и таким количеством хлеба, чтобы хватило на еду»* [35, p. 646]. Эти суждения основаны на словах Зуева [ср.: 6, с. 271–272; об этом сюжете в его записках см.: 7, с. 382–383], упавших на подготовленную почву – европейцы, относясь к Востоку и исламу с позиций превосходства, наделяли их рядом вымышленных пороков.

Тук стал одним из первых Западных наблюдателей, сформулировавших представление о «татарской лени», которое вскоре станет расхожим сюжетом в описаниях Крыма. По-видимому, это мнение не столько отражало объективные обстоятельства, сколько объяснялось стереотипами восприятия иных культур, возникшими, в частности благодаря трудам Шарля-Луи де Монтескье и Жан-Жака Руссо. В частности, лень стала универсальным маркером «Другого», что выгодно оттеняло собственную культуру наблюдателя. Лениность приписывали жителям самых разных регионов, причем не только Азиатского Востока, но и Южной и Восточной Европы. Примечательно, что в подобных

рассуждениях не учитывались, например, вполне очевидные препятствия к извлечению выгод из товарного производства сельскохозяйственной продукции и ее рыночного сбыта – в частности, отсутствие дорог, складов и портов, позволявших бы вывозить ее во внутренние губернии России, препятствовавшие экспорту таможенные пошлины, разного рода сложности с приобретением современной техники, нехватка рабочих рук в Крыму и пр. [подробнее об этом сюжете: 19, с. 466–467; 23, с. 127–129]. В западноевропейской мысли XVII–XVIII вв. представление о «детскости» аборигенов делало благородной миссией их «цивилизаторов», в частности, обучавших туземцев ремеслам, а также обосновывало необходимость привлечения колонистов из Европы, способных завести передовое хозяйство, промышленность и торговлю. Объектом подобных взглядов могли быть даже западноевропейские страны, находившиеся на «окраине цивилизации», в частности, Ирландия [2, с. 215–226]. При всем при том далеко не всегда рассуждения о праздности крымских мусульман имели негативную окраску, ведь это могло свидетельствовать об их счастливой жизни. Так, много лет проживший на юге России француз Поль Гибаль заметил: *«Горные татары <...> по характеру своему ленивы и живут, наслаждаясь жизнью, как они это понимают, не беспокоясь о том, как бы разбогатеть. В этом отношении они, возможно, мудрее европейцев»* [1, с. 57].

Тук приводит различные этнографические сведения о крымских татарах, главным образом, по «Выписке» Зуева. Так, например, сообщается, что в отличие от частных построек, их общественные постройки – мечети, минареты и бани – возводили из камня, причем некоторые даже из мрамора. Зато жилые дома представляли собой фахверк, каркас которого собирали из квадратных деревянных брусьев, пространство между которыми богачи заполняли кирпичом, а бедняки – дерном. Щели промазывали глиной, а потом стены штукатурили с обеих сторон. Кровлю делали из кирпича («brick»; вероятно, имеется в виду черепица) или дерна. В домах были очаги, где готовили пищу, но не было печей, подобных русским. В сильный мороз дома согревали с помощью жаровен с древесным углем. На женской половине дома были посудные шкафы и сундуки, а во внешних комнатах – лишь диваны, то есть глиняные возвышения вдоль стен, покрытые коврами [35, р. 646; ср.: 6, с. 273].

Крымскотатарское общество делилось на знать и рядовое население. У Зуева Тук позаимствовал сведения о том, что основатель Крымского Ханства, Менгли-Гирей, разделил татарскую знать на две группы – ширинов и капы-халков. Первые, якобы, имели права принцев крови, за исключением того, что не могли получить ханский трон, вторые же были простыми дворянами, из числа которых рекрутировались ханские чиновники [35, р. 850; ср.: 6, с. 301]. Сложно понять, из каких соображений русский путешественник перенес фамильное имя ведущего рода крымскотатарской знати на название социального слоя (беев), тогда как капы-халки действительно составляли служилое сословие ханской гвардии. Возможно, речь идет о неверно понятых словах Клода-Шарля де Пейссоннея, который в 50х гг. XVIII в. был французским консулом в Крыму, а впоследствии издал объемный труд об этнической истории Причерноморья, где в частности рассказал о крымскотатарском дворянстве [ср.: 13, с. 26–30].

Довольно пространный отрывок об истории крымских татар [35, р. 847] представляет собой существенно переработанные сведения Зуева [6, с. 284–

300]. В результате отдельные его фрагменты перекомпонованы и, нужно признать, изложение стало более логичным и последовательным. Вслед за Зуевым, Тука подробно описал договор, якобы заключенный между османским султаном Мехметом II и крымским ханом Менгли-Гиреем, определившим политическую зависимость Крыма от Стамбула [35, р. 849; 6, с. 295–297]. Дискуссия о реальности этого договора и о его возможном содержании продолжается до наших дней [16, с. 236–244; 5, с. 142–155]. Пункты соглашения, взятые Туком у Зуева, несколько отличаются не только от тех, что реконструируют современные исследователи, но и от изложенных в трактате Пейссоннеля [ср.: 13, с. 11–12]. Так, в версии Тука и Зуева присутствуют, например, право крымских татар не платить налоги в султанскую казну, свободно торговать в Черном море при условии уплаты соответствующих пошлин, и право хана самовластно назначать крымских чиновников.

По мнению И.В. Зайцева, Зуев мог использовать недошедший до наших дней письменный тюркоязычный источник. Об этом свидетельствуют приведенные Зуевым специфические исторические подробности, особенности написания некоторых имен, а также оригинальное содержание вышеупомянутого договора между султаном и ханом [5, с. 225–227]. Заметим, что Зуев нигде не упоминает о том, что работал с такого рода документом. Кроме того, он, по-видимому, не знал восточных языков. Во всяком случае, в Крым Зуев брал с собой переводчика, а насчет арабских надписей консультировался у отставного епископа Славянского и Херсонского Евгения Булгариса (1716–1806) [о нем: 30], известного интеллектуала и ученого [14, с. 560, 600]. Думается, информацию о договоре между Крымом и Стамбулом и Зуев, и Пейссоннель получили от своих знакомых – крымских татар, среди которых она имела вид устного предания. В пользу этого умозаключения свидетельствует вывод И.В. Зайцева о том, что об османско-крымском договоре помнил какой-то представитель крымской знати, написавший «Анонимную историю» ханства ок. 1782 г. [5, с. 156–157]. Если память о договоре продолжала существовать в Крыму, в частности – в форме устных преданий, не удивительно, почему она претерпевала изменения, и почему возникли столь разные версии, как в «Анонимной истории», у Пейссоннеля и Зуева–Тука.

Характерен последний пункт договора, описанный Туком и Зуевым: *«когда же пресечется линия турецких султанов, [крымский] хан, как наследник Чингисхана, должен взойти на османский трон»* [35, р. 849; 6, с. 297]. Подобное представление, популярное в Крымском Ханстве, не имело под собой никаких реальных оснований [16, с. 237–238]. Не случайно заинтересовавшийся этим вопросом Пейссоннель, ознакомившийся с мнением компетентных представителей крымской элиты, назвал его «заблуждением» [13, с. 12]. И тем не менее, это предание оказалось очень стойким – крымские татары передавали его и через десятилетия после падения ханства. Так, шотландский путешественник Джеймс Уэбстер, побывавший в Крыму в 1827 г., пересказал удивительную судьбу Александра Султан-Крым-Гирея – крещеного потомка ханской династии, женившегося на шотландке [о нем: 33]. Рассказ этот завершается следующими словами:

«Поскольку он [Александр Крым-Гирей] является прямым потомком древних ханов Крыма, трон нынешнего султана Махмуда [III] перейдет к

нему, если угаснет правящее семейство. У него есть сыновья и, если кто-нибудь из них впоследствии взойдет на османский престол, возникнет необычайная ситуация, когда князь британского происхождения и христианского исповедания будет править империей неверных турок» [20, с. 386].

Рассказывая о городах Крыма, Тук использует данные Зуева, перерабатывая их, возможно, в сравнении с другим источником или источником [35, р. 647–648; ср.: 6, с. 276–282]. В этом отрывке имеется место, которое может показаться курьезным, но, что важнее, демонстрирующее ситуацию, в которой начиналось изучение прошлого Крыма и в частности его исторической географии. Исследователи и путешественники второй половины XVIII в. обнаружили, что древние и средневековые источники знали на полуострове множество населенных пунктов, не сохранившихся до Нового времени. Поэтому они прилагали титанические усилия для распутывания ситуации, не обладая должными историко-филологическими знаниями и методикой, которые были выработаны только в последующую эпоху. В результате там, где Зуев перечисляет «Мангуп; старый Херсонес, и прочие славные по прежним своим владельцам генуэзцам города...» [6, с. 281], Тук говорит об одном городе: это «Мангуп – древний Херсонес» [35, р. 648]. Его неожиданное замечание отражает то обстоятельство, что в конце XVIII в. местоположение античного Херсонеса (византийского Херсона) представляло собой загадку. В результате Екатерина II, доверившись мнению В.Н. Татищева, считавшего, что город этот находился в низовьях Днепра, «передала» его название вновь основанной там крепости Херсон, нынешнему областному центру Украины. Другие авторы локализовали Херсонес в западном Крыму – на месте нынешней Евпатории, или на востоке полуострова, в Феодосии. Бытовала даже легенда, очевидно, выдвинутая кем-то из местных жителей, что одна из феодосийских мечетей (вероятно, самая большая в городе, недошедшая до наших дней Султан-Селим-Джами, иначе Муфти-Джами) представляла собой перестроенную церковь, где некогда крестился киевский князь Владимир, как известно, ходивший в поход на Херсон. Справедливости ради нужно отметить, что некоторые помещали Херсонес на территории нынешнего Севастополя, то есть там, где он находился в реальности. Лишь благодаря специальным разысканиям, предпринятым по инициативе Григория Потемкина архиепископом Евгением Булгарисом, чиновником Карлом Габлицом и подполковником Бальдани действительное положение Херсонеса было установлено. Окончательно утвердили его в общественном сознании труды Петра Палласа и Николая Карамзина [подробнее: 25; 21, с. 322–326]. Таким образом, слова Тука о Херсонесе на Мангупском плато отражают хаос гипотез и предположений, существовавший в изучении исторической географии Крыма в конце XVIII – начале XIX в. [см.: 24]. Остатки древней крепости на вершине провоцировали исследовательский интерес, наталкивавшийся на дурное знание источников, а циклопические размеры развалин заставляли предполагать здесь наличие прославленного в прошлом города, даже несмотря на то, что Мангуп расположен сравнительно далеко от берега моря, где, по данным источников, находился Херсонес.

Показательно, что в другом отрывке, переписывая у Зуева историю того, как крымские татары овладели полуостровом, Тук уже разделяет Мангуп и Херсонес [35, р. 848; ср.: 6, с. 289]. Далее эти города, вместе со многими дру-

гими, объявляются владением средневековых генуэзцев. И это замечание также отражало популярное в его эпоху суждение. Корни его, очевидно, связаны с жителями Крыма, которые стали приписывать генуэзцам полуразрушенные укрепления, история которых забылась. Так генуэзцы сделались в Крыму народом легендарным, связанным с героическим прошлым крымских татар. Видимо, с их слов писал османский путешественник второй половины XVII в. Эвлия Челеби, считавший, что генуэзцы были хозяевами Херсонеса и Мангупа [29, с. 67, 75]. По-видимому, именно традиция, берущая начало от местных жителей, привела к тому, что впоследствии многие европейские путешественники конца XVIII – первой половины XIX в. считали Мангуп (наряду с некоторыми другими «пещерными крепостями») делом рук генуэзцев – или, по крайней мере, местом, которым те владели в течение длительного времени [подробнее: 24, с. 418–420]. Наверняка, способствовало этой мысли и известное сходство между циклопическими стенами Мангупа и укреплениями генуэзских крепостей в Чембало (Балаклаве), Судаке и Кафе (Феодосии).

Это далеко не единственный пример ошибочных и даже фантазийных сведений в исторической части сочинений Тука. Так, в первом томе «Обозрения Российской империи» он описывал малороссийских казаков (сюжет, чрезвычайно интересовавший западную аудиторию), проведя параллель между ними и рыцарями-иоаннитами (госпитальерами). Как известно, последние долгое время сражались в Святой земле с мусульманами, так что в глазах европейской аудитории это сравнение делало казаков защитниками христианской веры. Описывая успехи последних, Тук заметил: «Не позднее чем в самом конце XVI в. казаки подчинили себе часть Крыма...» [36, vol. 1, p. 287, note *]. По-видимому, до англичанина дошли слухи об успешных походах казаков на Крым – хотя, конечно, ни о каком его подчинении в реальности речи не было. Впрочем, преувеличивать успехи походов христиан против Крыма – традиционная черта историографии. Очевидно, она опиралась на какие-то легенды, возникшие в России. Так, например, посетивший в 1821 г. Крым британский библиист Эбенезер Хендерсон привел не менее фантастическую историю о том, что в 1698 г. русские войска захватили Перекопскую линию – укрепление на перешейке, отделявшее полуостров от материка [31, p. 289]. Ясно, что он доверился каким-то легендарным известиям то ли о неудачных Крымских походах Василия Галицина, то ли об Азовских походах Петра I.

Завершается рассказ Тука кратким известием о присоединении Крыма к России и о присяге крымского населения на верность Екатерине II, причем автор оговаривается, что этот отрывок был записан в начале 1783 г. [35, p. 850–851]. Однако создается впечатление, что на самом деле он писал по памяти, и потому существенно искажил дату манифеста императрицы «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую Державу» [Полное собрание законов Российской империи, т. XXI, с. 897–898, № 15708] – вместо 8 апреля Тук датирует его 21 июля. Учитывая, что в данном отрывке упомянут и Георгиевский трактат, установивший российский протекторат над царством Картли-Кахети, причем датирован он совершенно точно – 24 июля [ср.: Полное собрание законов Российской империи, т. XXI, с. 1013], создается впечатление, что именно от него

Тук «отсчитывал» время присоединения Крыма. Совсем краткой стала эта информация в трехтомнике Тука [36, vol. 1, p. 280].

Зато в этой же книге Тук уделил довольно много внимания крымской торговле – как в прошлом, так и в настоящем. Его взгляд очень характерен:

«Торговля Крыма прежде была необычно прибыльной и обширной; ведь в XI веке, когда часть этого полуострова попала под власть половцев, <...> они даровали генуэзцам, в обмен на обещание выплаты некоторой дани, право на возведение складов, которые с течением времени разрослись до городов и крепостей. <...> Но мало помалу генуэзцев изгнали из Крыма, и вместе с ними исчезла и процветавшая в тех краях торговля...» [36, vol. 3, p. 449–450].

И хотя Тук прямо не назвал виновников произошедшего, читателю было ясно, что это были османы и татары. Источником данных сведений мог быть Тунманн, отметивший, что *«Черное море было османами закрыто для всех остальных европейских наций»* [17, с. 21]. Тук с похвалой отозвался о стремлении правительства Екатерины II развивать черноморскую торговлю с помощью протекционистских мер, заметив, однако, что этого было недостаточно. Необходимо было увеличить население Крыма, сделать торговлю в Черном море полностью свободной для россиян, и связать коммерческими контактами Крым, сделав его звеном в международной торговле от Леванта до Прибалтики и от Сибири до Испании [36, vol. 3, p. 450–451].

Подобные суждения были типичными для эпохи Просвещения с его представлением о торговле как двигателе исторических процессов в духе идей Монтескье [11, с. 297]. Достаточно вспомнить две книги, вышедшие почти одновременно с трехтомником Тука. Британский врач и эрудит Маттью Гатри в 1802 г. издал описание Крыма, которому он придал форму писем из поездки, якобы совершенной его покойной супругой [подробнее: 27]. Этот соотечественник Тука интерпретировал историю Крыма как извечное противостояние цивилизованных европейских «торговых наций» и варваров-азиатов. В XV в. османы заблокировали торговлю через черноморские проливы, а потому экспансия России на юг, способствовавшая их открытию и возобновлению торговых операций была вполне оправдана [27, с. 163, 165–166]. Близкие суждения о Крыме, его истории и будущем сформулировал представитель извечных соперников англичан – француз Жан Рёйи. Он посетил полуостров в 1803 г., по заданию своего правительства собирая сведения о регионе. Предложенные им меры по развитию крымской торговли поразительно напоминают мнение Тука [23, с. 129–130]. Заметим, что негативное отношение европейцев к османской цивилизации объясняется прежде всего тем, что на протяжении столетий Высокая Порта была для Европы тем иным, на фоне которого та осознавала свою культуру [12, с. 71–98]. Разрабатывая свои экономические проекты, просвещенные европейцы игнорировали реальные жизненные обстоятельства – политическую нестабильность в регионе и Европе в целом, отсутствие в Северном Причерноморье надлежащей инфраструктуры и широкого платежеспособного спроса, нехватку рабочих рук, сложность доставки товаров из внутренней России и так далее. Не случайно каких-то успехов в хозяйственном развитии региона России удалось добиться едва ли не через полвека.

Таким образом, хотя Тук оперировал сведениями, собранными не непосредственно, но взятыми из вторых рук, ему удалось создать по-своему связ-

ную картину Крыма, где богатое прошлое полуострова золотоордынской и османской эпохи органично дополнялось сведениями о недавних переменах в его судьбе и даже видением того, какие политические действия следует предпринять России, дабы сделать его будущее достойным империи. «Русская корреспонденция» Тука стала первым английским сочинением о Крыме, опубликованным после его присоединения к России, и, кажется, первым англоязычным сочинением после изданных в первой трети XVIII в. записок Обри де ля Мотре [34]. Именно Тук рассказал своим соотечественникам о далекой стране, судьба которой привлекла их внимание после блестящих внешнеполитических успехов Екатерины II. Ценность сочинения Тука как источника оригинальных сведений невелика из-за ее компилятивного характера. Его значение, как представляется, заключается в другом. Сама манера, в которой автор отбирал и компилировал сведения, а также изобретение им вымышленного информанта – соотечественника на русской службе, показывает способы усвоения и изложения информации в эпоху Просвещения. Его труды позволяют выявить способы, с помощью которых его современники изучали дальние («восточные») страны, какие стереотипы создавали и транслировали, и в целом в какой интеллектуальной обстановке начиналось изучение Крыма европейской наукой и общественным мнением. В наши дни одним из новых историографических направлений стало изучение трансферов, то есть передачи знаний, понятий и стереотипов [например: 32]. Важную роль в трансферах «европейских» идей в Россию сыграли западные путешественники. Именно они рассказывали европейской публике об отдаленных, экзотических районах Российской империи. Так возникли сложные интеллектуальные взаимодействия «путешественники – их соотечественники – реакция российских властей и общественного мнения». К. Кюнцель-Вюрст продемонстрировала это на примере европейцев – исследователей Сибири [9]. Такие же динамичные связи возникли в треугольнике «Европа – Россия – Крым», где Таврида и ее жители становились не только объектом изучения, но помогали наблюдателям лучше осознать собственную культуру и узнать третью сторону. Тук передавал на родину знания о Крыме – но для этого он использовал материалы русского исследователя Зуева. Изучение истории и жителей полуострова дали европейцам возможность понять себя самих. В конечном итоге, их сочинения сделали Крым популярным туристическим объектом. Вскоре сюда начинается паломничество иностранцев, создавших новые описания полуострова и его обитателей [26].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гибаль П.* Обозрение Крыма, Новороссии и Кавказа в дневнике путешествия из Одессы в Тифлис Поля Гибала, 1818–1819. М.: Русский Мирь, 2017. 416 с.
2. *Годжи Д.* Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 212–237.
3. *Григорьев С.И.* «...Кафир весьма крутого нрава»: А.В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). СПб.: Государственный мемориальный музей А.В. Суворова, 2015. 552 с.

4. Ена В.Г., Ена Ал.В., Ена Ан.В. Открыватели земли крымской. Очерки 2500-летней истории изучения природы Тавриды. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 520 с.
5. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX веков. Пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009. 304 с.
6. [Зуев В.Ф.]. Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Собрание сочинений, выбранных из месяцеслов на разные годы. [Часть 5]. СПб.: Императорская академия наук, 1790. С. 265–303.
7. Конкин Д.В. Экономические «открытия» в Крыму в работах В.Ф. Зуева и К.И. Габлица: «дефект описания» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 16. № 3. С. 378–399. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-378-399.
8. Кросс Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. Н.Г. Беспятых, Ю.Н. Беспятых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 528 с.
9. Кюнцель-Витт К. От Мессершмидта к Палласу: немецкие ученые – исследователи Сибири. Российская империя: к просвещению через открытие самой себя // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М.: РОССПЭН, 2008. С. 152–162.
10. Милнер Т. Крым. Хань, султаны, цари. Взгляд на историю полуострова участника Крымской компании / Пер. И.А. Петровская. М.: Центрполиграф, 2015. 525 с.
11. Монтескье Ш.Л. О духе законов / Пер. А.В. Матешук. М.: Мысль, 1999. 672 с.
12. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. 336 с.
13. Пейссонель Ш. де. Записка о Малой Татарии / Пер. с фр. В. Лотошникова. Днепропетровск: Герда, 2009. 80 с.
14. Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 года. Т. III: 1771–1785. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1900. 976 с.
15. Райков Б.Е. Академик Василий Зуев, его жизнь и труды. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 350 с.
16. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. Т. 1. М.: Рубежи XXI, 2005. 314 с.
17. Тунманн [И.-Э.]. Крымское ханство / пер. с нем. Н.Л. Эрнст, С.Л. Белявская. Симферополь: Таврия, 1991. 94 с.
18. Тур В.Г. Религиозные общины Крыма // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 247–275.
19. Храпунов Н.И. Крымский полуостров после присоединения к России в сочинении Бальтазара фон Кампенгаузена // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. XVIII. С. 456–473.
20. Храпунов Н.И. Путешествие в Крым Джеймса Уэбстера и его товарищей (1827 г.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2014. Вып. XIX. С. 379–426.
21. Храпунов Н.И. Как Херсонес стал центром русского православия // МАИЭТ. 2016. Вып. XXI. С. 317–358.
22. Храпунов Н.И. Старый Крым и его памятники глазами путешественников конца XVIII – начала XIX века // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 4. С. 832–860. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.832-860.
23. Храпунов Н.И. Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник 2017. Франция и средиземноморье в Новое и Новейшее время. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 113–140.

24. Храпунов Н.И. Мангупское городище в трудах путешественников конца XVIII – начала XIX в.: исследования и иллюзии // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2017. Вып. XXII. С. 412–432.
25. Храпунов Н.И. Византийский Херсон и Екатерина Великая // Античная древность и средние века. 2017. Вып. 44 (в печати).
26. Храпунов Н.И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь: Альбатрос, 2017. С. 329–352.
27. Храпунов Н.И., Гинькут Н.В. Маттью Гатри и его «путешествие» в историю Крыма // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 157–170.
28. Храпунов Н.И., Храпунова С.Н. Известия о Крыме у Франческо Альгаротти // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 612–628. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.612-628.
29. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / пер. Е.В. Бахревский. Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
30. Batalden S.K. Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806. New York: Columbia University Press, 1982. 197 p.
31. Henderson E. Biblical Researches and Travels in Russia... London: James Nisbet, 1836. 538 p.
32. Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). М.: НЛЮ, 2010. 392 с.
33. Kırımlı H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries. The story of Katti Geray and other baptized descendants of the Crimean khans // Cahiers du Monde russe. 2004. Vol. 45/1–2 (janvier–juin). P. 61–108.
34. [Motraye A. de la]. A. de la Motraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa. Vol. II. London: [n. p.], 1723. 432 p.
35. [Tooke W. Original Correspondence from Russia] // The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle. 1786. Vol. 56. No. 2. P. 547–552, 643–648, 846–851, 921–924, 1013–10015.
36. Tooke W. A View of the Russian Empire during the Reign of Catharine II and to the Close of the Eighteenth Century. 3 vols. 2nd ed. London: A. Strachan, 1800. 630, 574, 628 p.
37. Zuief [W.]. Nachrichten von der Krim // Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie. St. Petersburg; Leipzig: Johann Zacharias Logan, 1783. Bd. 4. P. 249–270.
38. Zuief [W.]. Nachrichten von der Krim // Neues St.-Petersburgisches Journal, vom Jahre 1783. St. Petersburg: Buchbructeren ben Schnoor, 1783. Bd. 1. P. 3–29.

Сведения об авторе: Никита Игоревич Храпунов – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И.Вернадского (295007, проспект Вернадского, 4, Симферополь, Российская Федерация). E-mail: khrapunovn@mail.ru

Поступила 30.05.2018 Принята к публикации 27.08.2018
Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Gibal' P. *Obozrenie Kryma, Novorossii i Kavkaza v dnevnike puteshestviya iz Odessy v Tiflis Polyu Gibalya, 1818–1819* [A Review of the Crimea, New Russia, and Caucasus in Paul Guibal's Journal of Travel from Odessa to Tiflis, 1818–1819]. Moscow, Russkiy Mir" Publ., 2017. 416 p. (In Russian)
2. Godzhi D. Kolonizatsiya i tsivilizatsiya: russkaya model' glazami Didro. Evropeyskoe prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii [Colonization and Civilization: The Russian Model as Viewed by Diderot]. *Evropeyskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiya Rossii* [European Enlightenment and Russian civilization]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 212–237. (In Russian)
3. Grigor'ev S.I. «...Kafir ves'ma krutogo nrava»: A.V. Suvorov i Krymskoe khanstvo (1771–1779) [“...A Kafir of Great Temper”: A.V. Suvorov and the Crimean Khanate (1771–1779)]. St. Petersburg, Gosudarstvennyi memorial'nyi muzei A.V. Suvorova, 2015. 552 p. (In Russian)
4. Ena V.G., Ena A.I.V., Ena An.V. *Otkryvateli zemli krymskoy. Ocherki 2500-letney istorii izucheniya prirody Tavridy* [The Discoverers of the Crimean Land. Essays in the 250-Year-Long History of Researches of Nature of Taurida]. Simferopol, Biznes-Inform Publ., 2007. 520 p. (In Russian)
5. Zaytsev I.V. *Krymskaya istoriograficheskaya traditsiya XV–XIX vekov. Puti razvitiya: rukopisi, teksty i istochniki* [Crimean Historiographic Tradition from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Ways of the Development: Manuscripts, Texts, and Sources]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009. 304 p. (In Russian)
6. [Zuev V.F.]. Vypiska iz puteshestvennykh zapisok Vasil'ya Zueva, kasayushchikhsya do poluoostrova Kryma. 1782 goda [An Excerpt from Vasilii Zuev's Travel Journal Concerning the Peninsula of the Crimea. In the Year 1782]. *Sobranie sochineniy, vybrannykh iz mesyatseslovov na raznye gody* [Chast' 5] [A Collection of Essays Taken from Orthodox Calendars for Different Years. (Part 5)]. St. Petersburg, Imperatorskaia akademiia nauk, 1790, pp. 265–303. (In Russian)
7. Konkin D.V. Ekonomicheskie «otkrytiya» v Krymu v rabotakh V.F. Zueva i K.I. Gablitsa: «defekt opisaniya» [Economic “Discoveries” in the Crimea by Works of V.F. Zuev and C.I. Hablitz: “A Defect in Description”]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: History of Russia], 2017, vol. 16, no. 3, pp. 378–399. DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-3-378-399. (In Russian)
8. Kross E. *Britantsy v Peterburge. XVIII vek* [The British in St. Petersburg. The Eighteenth century]. Per. N.G. Bespyatykh, Yu.N. Bespyatykh. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 528 p. (In Russian)
9. Kyuntsel'-Vitt K. Ot Messershmida k Pallasu: nemetskie uchenye – issledovateli Sibiri. Rossiyskaya imperiya: k prosveshcheniyu cherez otkrytie samoy sebya [From Messerschmitt to Pallas: German Scientists as the Researchers of Siberia; Russian Empire: To the Enlightenment via the Discovery of Itself]. «*Vvodya navy i obychai Evropeyskie v Evropeyskom narode*». *K probleme adaptatsii zapadnykh idey i praktik v Rossiyskoy imperii* [“Introducing European Characters and Customs”: On the Problem of Adaptation of Western Ideas and Practices in the Russian Empire]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 152–162. (In Russian)
10. Milner T. *Krym. Khany, sultany, tsari. Vzglyad na istoriyu poluoostrova uchastnika Krymskoy kompanii* [Crimea. Khans, Sultans, Tsars. A Look at the History of the Peninsula of a Participant of the Crimean Campaign]. Per. I.A. Petrovskaya. Moscow, Tsentrpoligraf, 2015. 525 p.
11. Montesquieu Ch.L. *O dukhe zakonov* [On the Spirit of Laws]. Per. A.V. Mateshuk. Moscow, Mysl', 1999. 672 p. (In Russian)

12. Noymann I. *Ispol'zovanie «Drugogo»: obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskikh identichnostey* [The Use of the “Other”: The Images of the Orient in the Formation of European Identities]. Moscow, Novoe Publ., 2004. 336 p. (In Russian)
13. Peyssonel Ch. de. *Zapiska o Maloy Tatarii* [Notes on the Tartaria Minor]. Per. s fr. V. Lotoshnikova. Dnepropetrovsk, Gerda, 2009. 80 p. (In Russian)
14. *Protokoly zasedaniy Konferentsii Imperatorskoy Akademii nauk s 1725 po 1803 goda*. Vol. III: 1771–1785 [Meetings’ Minutes of the Conference of the Imperial Academy of Sciences from 1725 to 1803. Vol. III: 1771–1785]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1900. 976 p. (In Russian)
15. Raykov B.E. *Akademik Vasilii Zuev, ego zhizn' i trudy* [Academician Vasily Zuev, His Life and Works]. Moscow, Leningrad, Akademiya nauk SSSR Publ., 1955. 350 p. (In Russian)
16. Smirnov V.D. *Krymskoe khanstvo pod verkhovenstvom Otomanskoy Porty do nachala XVIII v.* [The Crimean Khanate under the Supremacy of the Ottoman Porta prior to the beginning of the eighteenth century]. Vol. 1. Moscow, Rubezhi XXI, 2005. 314 p. (In Russian)
17. Tunmann [I.-E.]. *Krymskoe khanstvo* [The Crimean Khanate]. Per. s nem. N.L. Ernst, S.L. Belyavskaya. Simferopol, Tavriya, 1991. 94 p. (In Russian)
18. Tur V.G. *Religioznye obshchiny Kryma* [Religious communities of Crimea]. *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [Problems of Integration of Crimea into Russia, 1783–1825]. Sevastopol, Al'batros, 2017, pp. 247–275. (In Russian)
19. Khrapunov N.I. *Krymskiy poluostrov posle prisoedineniya k Rossii v sochinenii Bal'tazara fon Kampengauzena* [The Crimean peninsula after joining Russia in the work of Balthasar von Kampenhausen]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. 2013, is. XVIII, pp. 456–473. (In Russian)
20. Khrapunov N.I. *Puteshestvie v Krym Dzheymasa Uebstera i ego tovarishchey (1827 g.)* [A journey to the Crimea by James Webster and his comrades (1827)]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. 2014, is. XIX, pp. 379–426. (In Russian)
21. Khrapunov N.I. *Kak Khersones stal tsentrom russkogo pravoslaviya* [How Chersonesos became the center of Russian Orthodoxy]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. 2016, is. XXI, pp. 317–358. (In Russian)
22. Khrapunov N.I. *Staryi Krym and Its Monuments through the Eyes of the Travelers of the late 18th – early 19th centuries*. *Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4, pp. 832–860. DOI: 10.22378/2313-6197.2016-4-4.832-860 (In Russian)
23. Khrapunov N.I. *Krymskaya missiya Zhana Reyi* [The Crimean Mission of Jean Reuilly]. *Frantsuzskiy ezhegodnik 2017. Frantsiya i sredizemnomor'e v Novoe i Noveyshee vremya* [French Yearbook 2017. France and the Mediterranean in the New and Modern Times]. Moscow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 2017, pp. 113–140. (In Russian)
24. Khrapunov N.I. *Mangupskoe gorodishche v trudakh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v.: issledovaniya i illyuzii* [The Mangup hillfort in the writings of travelers of the late eighteenth and early nineteenth centuries: research and illusions]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. 2017, is. XXII, pp. 412–432. (In Russian)
25. Khrapunov N.I. *Vizantiyskiy Kherson i Ekaterina Velikaya* [Byzantine Kherson and Catherine the Great]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages]. 2017, is. 44 (in press). (In Russian)
26. Khrapunov N.I. *«Mesto, bogatoye vospominaniyami i illyuziyami»: obrazy Tavridy v sochineniyakh puteshestvennikov* [“A place rich in memories and illusions”: images of

Tauride in the writings of travelers]. *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [Problems of Integration of Crimea into Russia, 1783–1825]. Sevastopol', Al'batros, 2017, pp. 329–352. (In Russian)

27. Khrapunov N.I., Gin'kut N.V. Matt'yu Gatri i ego «puteshestvie» v istoriyu Kryma [Matthew Guthrie and his “journey” to the history of the Crimea]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*. 2015, no. 4, pp. 157–170. (In Russian)

28. Khrapunov N.I., Khrapunova S.N. Francesco Algarotti's Account of the Crimea. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 3, pp. 612–628. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.612-628 (In Russian)

29. Evliya Çelebi. *Kniga puteshestviya. Krym i sopredel'nye oblasti* [The Book of Travel. Crimea and Adjacent Areas]. Per. E.V. Bakhrevskiy. Simferopol, Dolya, 2008. 272 p. (In Russian)

30. Batalden S.K. *Catherine II's Greek Prelate: Eugenios Voulgaris in Russia, 1771–1806*. New York, Columbia University Press, 1982. 197 p.

31. Henderson E. *Biblical Researches and Travels in Russia...* London, James Nisbet, 1836. 538 p.

32. *Imperium inter pares: rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow, NLO, 2010. 392 p. (In Russian)

33. Kırımlı H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries. The story of Katti Geray and other baptized descendants of the Crimean khans. *Cahiers du Monde russe*. 2004. Vol. 45/1–2 (janvier–juin), pp. 61–108.

34. [Motraye A. de la]. *A. de la Motraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa*. Vol. II. London: [n. p.], 1723. 432 p.

35. [Tooke W. Original Correspondence from Russia]. *The Gentleman's Magazine: and Historical Chronicle*. 1786. Vol. 56. No. 2, pp. 547–552, 643–648, 846–851, 921–924, 1013–10015.

36. Tooke W. *A View of the Russian Empire during the Reign of Catharine II and to the Close of the Eighteenth Century*. 3 vols. 2nd ed. London, A. Strachan, 1800. 630, 574, 628 p.

37. Zuief [W.]. Nachrichten von der Krim. *Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie*. St. Petersburg; Leipzig, Johann Zacharias Logan, 1783. Bd. 4, pp. 249–270. (In German)

38. Zuief [W.]. Nachrichten von der Krim. *Neues St.-Petersburgisches Journal, vom Jahre 1783*. St. Petersburg, Buchbructeren ben Schnoor, 1783. Bd. 1, pp. 3–29. (In German)

About the author: Nikita I. Khrapunov – Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Research Centre for the History and Archaeology of the Crimea, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4, Vernadsky Ave., Simferopol 295007, Russian Federation). E-mail: khrapunovn@mail.ru

Received May 30, 2018 Accepted for publication August 27, 2018

Published September 29, 2018